

Литература

1. Верещагин, Е. М. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Русский язык, 1990. – 246 с.
2. Остромечево // Государственное учреждение культуры «Брестская районная библиотечная сеть» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://brest-railib.by/index.php/itemlist/tag/Остромечево>. – Дата доступа: 14.05.2016.
3. Остромечево и «остромычивци» / сост. И. А. Панасюк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://astramechava.somee.com>. – Дата доступа: 16.05.2016.
4. Сельскохозяйственный производственный кооператив «Остромечево» [Электронный ресурс]. – Адрес доступа: <http://www.brestobl.com/predpr/02bregaj/ostrom.html>. – Дата доступа: 01.05.2016.

О.С. Горицкая

Минский государственный лингвистический университет
e-mail: goritskaya@gmail.com

811.161.1'282.2(476)+81'373.211.1

ВИЛЬНЯ VS. ВИЛЬНЮС: ВАРИАТИВНОСТЬ ТОПОНИМОВ В ПРАГМАТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ (на материале русской речи в Беларуси)

Ключевые слова: *топоним, ойконим, русский язык в Беларуси, национальная разновидность языка, полицентрический язык, лингвистическая прагматика.*

В центре внимания данной статьи – лексема Вильня в белорусской разновидности русского языка. В результате корпусного исследования установлено, что частотность варианта в интернет-коммуникации является достаточно низкой (Вильня – 5 %, Вильнюс – 95 %). Контекстуальный анализ демонстрирует, что слово используется в текстах о современности и имеет национально-культурные коннотации. Кроме того, обсуждается гипотеза о том, что вариант Вильня характерен для речи молодежи.

O.S. Goritskaya

Minsk State Linguistic University

VILNJA VS. VILNIUS: TOPONYMIC VARIANTS IN PRAGMATIC PERSPECTIVE (based on Russian speech in Belarus)

Key words: *toponym, oiconym, Russian in Belarus, national variety of a language, pluricentric language, linguistic pragmatics.*

The article focuses on the lexeme Vilnja in the Belarusian variety of the Russian language. Corpus-based study shows that frequency of the variant in computer-mediated communication is rather low (Vilnja – 5 %, Vilnius – 95 %). Contextual analysis demonstrates that the word Vilnja is used in texts about the present, and has national and cultural connotations. Additionally, the author discusses the hypothesis that the variant Vilnja is observed predominantly in the speech of young people.

В последнее время русский язык все чаще начинает рассматриваться как полицентрический: изучаются особенности русской речи в различных странах постсоветского пространства, в том числе характеристики, обусловленные контактами русского языка и языка титульной нации. Русская речь в Беларуси, России и других регионах различается в т.ч. и в сфере ономастики. Языковые контакты приводят, в частности, к тому, что в тексты проникают нехарактерные для русского языка единицы типа *Беларусь, Кыргызстан, Ыб* и т.п. [1]. В т.н. белорусском русском есть специфические имена собственные, причем своеобразие антропонимов и топонимов может быть связано не только с их формой, но и с содержанием – в первую очередь с ассоциативным фоном [2; 4 и др.].

Ономастика – это сегмент языка, на который в значительной мере влияют внеязыковые факторы, в частности политические и юридические. Проникновение имен собственных из белорусского языка в русский связано и с использованием белорусских названий в объявлениях в общественном транспорте, на вывесках и т.д. В соответствии со статьей 17 закона «О наименованиях географических объектов» от 16 ноября 2010 года, «в Республике Беларусь наименования географическим объектам присваиваются на белорусском языке, с которого способом транслитерации передаются на русский язык» [3]. Это приведет к увеличению числа белорусизмов в русской речи в Беларуси: в русскоязычных документах и на картах уже появились такие улицы, как *Навуковая*, а далее подобные языковые факты начинают распространяться и в бытовой коммуникации.

В данной статье обсуждаются номинации нынешней столицы Литвы. В разные периоды этот город неодинаково назывался по-русски: *Вильна, Вильно, Вильнюс*. Сегодня в русской речи белорусов также встречается и «более белорусский» вариант *Вильня*, который иногда заменяет официальную номинацию *Вильнюс* (названия *Вильна* и *Вильно* сегодня используются главным образом в текстах о прошлом). Приведем в качестве иллюстрации два заголовка из СМИ: (1) *Вильня наша: белорусские места литовской столицы* (realt.onliner.by/2014/05/20/vilnya); (2) *Вильня умерла. Почему пора перестать ездить туда на выходные* (kyky.org/places/vilnya-umerla-pochemu-poraperestat-ezdit-tuda-na-vyhodnye).

Насколько часто вариант *Вильня* встречается в русскоязычных текстах, созданных белорусами? Какие прагматические функции он выполняет? Поиску ответов на эти вопросы посвящена данная статья.

Основным источником материала стал Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ, webcorpora.ru), в котором присутствует региональная разметка. Использовались два подкорпуса: блоги «Живого Журнала» (8720 млн слов, 291 млн – Беларусь) и социальная сеть «ВКонтакте» (9820 млн слов, 179 млн – Беларусь). Материал, полученный при помощи ГИКРЯ, обрабатывался вручную, чтобы исключить из выборки фрагменты на белорусском и других языках. Данные о функционировании названий города в различные временные периоды были получены при помощи Национального корпуса русского языка (НКРЯ, ruscorpora.ru). Кроме того, для изучения современной речи использовалась база СМИ «Интегрум» (integrum.ru), а также наша картотека, собранная в ходе наблюдения над речевой практикой.

По данным ГИКРЯ, слово *Вильня* встречается в текстах, созданных в различных странах: в Беларуси, Литве, Латвии, России и т.д. Всего в «Живом Журнале» зафиксировано 430 (188 из Беларуси) вхождений данного варианта, а в сегменте «ВКонтакте» – 85 (12 из Беларуси); локализация большинства контекстов не указана. Далее приводятся данные только по подкорпусу «Живой Журнал», поскольку в выборке по социальной сети «ВКонтакте» представлено значительно меньше материала.

Анализ материала из ГИКРЯ показал, что в качестве обозначения города лексема *Вильня* используется преимущественно в Беларуси. Кроме того, судя по контекстам, иногда это слово употребляют белорусы, которые проживают в других государствах.

Соотношение вариантов *Вильня* и *Вильнюс* в белорусских блогах на русском языке составляет 5 % (188 вхождение) к 95 % (3 871 вхождение). В текстах, созданных в других регионах (главным образом в Литве), *Вильня* – это название реки, района литовской столицы или железнодорожной станции (*Новая Вильня*).

Сопоставим частотность слова *Вильня* с похожими языковыми единицами. Вариант *Ковно* встретился в белорусских блогах из ГИКРЯ всего 5 раз (*Каунас* – 363), причем все эти контексты имеют исторический характер – передают особенности речи, характерные для прошлых эпох. Например, в одном из блогов воспроизводится текст о П.А. Столыпине: (3) *С работой земств Западных губерний Петр Аркадьевич познакомился в Ковно и Гродно* (m.livejournal.com/read/user/dmitrik_by/4681). Между тем вариант *Вильня* используется в основном в контекстах, связанных с современностью (87 % выборки): (4) *Мы приехали в Вильню в пятницу днем и, как истинные белорусы (а мы ездили компанией из двух парочек), сразу направились в Акрополис – решили утолить шопоголический зуд в первый же день пребывания на литовской земле:)* (m.livejournal.com/read/user/alesyazpalessya/106035).

Кроме того, мы посмотрели, встречаются ли в русскоязычных блогах белорусские названия типа *Менск*, *Берасце* или *Гародня* (в различном графическом оформлении). ГИКРЯ демонстрирует, что эти названия очень редко используются в русской речи, а в имеющихся контекстах (очевидно, что больше всего их с названием *Берестье*) речь идет не о современных городах, а о других объектах (музеях, кинотеатрах и т.п.) или о фактах прошлого. Видимо, конкуренция *Менск* vs. *Мінск*, основанная на противопоставлении тарашкевицы и наркомовки, характерна только для белорусских текстов, а для русскоязычных белорусов такие варианты, как *Менск*, не являются актуальными.

В белорусском русском белорусизмы имеют различные прагматические функции, распределяясь между полюсами «свое – чужое». В отличие от слов типа *змагар* или *свадомы(й)*, *Вильня* в русской речи жителей Беларуси тяготеет к полюсу «свое». Коннотации топонимического варианта могут быть выражены эксплицитно – при помощи оборота *наша Вильня*, причем в таких случаях речь идет не только о притязаниях белорусов на этот город или о белорусском культурном наследии, представленном там, но и о современности – месте, куда часто ездят белорусы сегодня: (5) *Недавно кстати поступило неожиданное вакантное предложение переехать жить в Вильню, но я не поддавалась искушению! Так и многие тут, ностальгируют о утраченной красоте, ориентируясь на сохранившуюся эстетику былой столицы, но при этом желают видеть её там, где живут, и это нормально* (m.livejournal.com/read/user/juli_erde/144061/comments/p1); (6) *но гродно/нёман компенсировал всё с лихвой. просто белорусская прага. ну вильня в крайнем случае... хотя вильня и так наша. :))* (m.livejournal.com/read/user/esquh/39523).

Кроме того, есть и иронические контексты цитатного характера, которые демонстрируют, что автор не относит *Вильню* к своей личной сфере: (7) – *Друзья мои! Пришло время ответить мне на давно волнующий меня вопрос. Что такое пресловутый «воздух свободы» за которым вы ездите в «нашу Вильню». Развёрнутые комментарии (в том числе и «нашей Вильни») приветствуются. <...> склонюсь к тому, что эта основная [версия]: ощущение в груди нашей вильни как показатель принадлежности к иной социальной группе на статус выше. поворот от материальности понтов к псевдодуховности – нашавильня, ЗОЖ, сыроедение, йога и т.д.* (m.livejournal.com/read/user/kalilaska/981213).

Восприятие прагматики варианта *Вильня* может иметь индивидуальный характер. Так, в следующем диалоге (автора и комментатора) после записи, которая начинается со слов *Ранним утром 29 сентября я села на поезд и отправилась в Вильню*, обсуждается роль грамматического рода в восприятии названия города:

(8) – Я сначала подумал, что ты про реку Вильню. А то по-русски, по-литовски и даже по-польски этот город не совсем так называется :))) <...>

– Ну, он так по-белорусски называется исторически :) И у меня почему-то стойкое ощущение, что этот город – это «она», поэтому и хочется его так называть :) Съезди, там очень душевно и как-то совсем по-домашнему, что ли. Во всяком случае, я с ним сроднилась практически с первых шагов :)

– А он у меня мужской. Интересно, влияет ли на восприятие род в данном языке. <...> (m.livejournal.com/read/user/julie_alar/243705/comments/p1).

Однако не всегда использование Вильни вместо Вильнюса свидетельствует об очевидной прагматической нагрузке первого варианта. Так, встречаются примеры, которые можно интерпретировать как свободное варьирование: (9) *А мы же на прошлых выходных ездили в Вильню! И – как предсказуемо! – влюбились в этот город до беспмятства. Да, даже такой – понурый, серый, мокроснежный ноябрьский Вильнюс влюбляет в себя с первого взгляда.* В целом использование обоих вариантов (Вильня и Вильнюс) в одном тексте не является редкостью.

Было бы заманчиво выявить социальные закономерности в использовании данного варианта, см. также пример (7) выше. В частности, некоторые материалы из СМИ демонстрируют скорее молодежную окраску Вильни. Например, в статье *Как минчане ездили в Вильню «на шопинг» 40 лет назад* вариант Вильня используется в речи журналиста, относящегося к поколению «детей», в то время как «отцы» употребляют вариант Вильнюс:

(10) *«Чтобы прибахлиться!» – стандартный ответ наших родителей на базальный вопрос CityDog.by «Зачем вы ездили в Вильню?»*

– Если честно, я не часто бывала в Вильнюсе, – признается минчанка Нина Дергай. – А вот моя подружка Лариска ездила на местную барахолку чуть ли не каждую неделю. <...>

Замечали ли наши родители в Вильне белмову, от которой и в Минске-то отвыкли? Вряд ли. Воспринимали ли они город Гедимина как «Вильню», а не «Вильнюс»? Нет, скорее всего. Садясь обратно на «Чайку», они уезжали из притягательного несоветского города в родной, хоть и советский Минск (citydog.by/post/shoping-v-vilnyu-40-let-nazad).

Однако предположение о возрастных ограничениях на функционирование лексемы Вильня нуждается в дополнительной верификации на другом материале, поскольку ограниченность выборки по возрасту (большинство авторов блогов «Живого Журнала», представленных в ГИКРЯ, родились в период с 1970 по 1990 гг.) не позволяет выявить возрастные тенденции в функционировании интересующего нас варианта. Кроме того, анализ данных из СМИ демонстрирует, что Вильню можно встретить не только в молодежной речи. Например, следующий контекст, в котором актуализируются национально-культурные коннотации варианта, взят из беседы с В.А. Салеевым (1939 г.р.): (11) *На лекциях для дизайнеров академии искусств по «Теории массовой коммуникации» я отклоняюсь на культурологические, исторические вещи. Например, спрашиваю: «Какая столица Беларуси духовная, культурная?» Никто не может ответить, что это Вильня (news.tut.by/society/369091.html).*

Таким образом, вариант Вильня иногда используется в русской речи белорусов, причем, как показывает материал блогов, не столько в исторических, сколько в современных контекстах. Лексема имеет национально-культурные коннотации: белорусская форма топонима помогает «присвоить» этот город при помощи лингвистических средств.

Литература

1. Горицкая, О. С. Переименования на постсоветском пространстве: корпусное исследование вариативности / О. С. Горицкая // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2016. – № 6 (85). – С. 101–110.

2. Норман, Б. Ю. Русский язык в современной Беларуси: практика и норма. / Б. Ю. Норман // Русский язык. – 2010. – № 6. – Режим доступа: http://rus.1september.ru/view_article.php?id=201000604. – Дата доступа: 20.12.2017.

3. О наименованиях географических объектов [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 16.11.2010 №190-3. – Режим доступа: <http://pravo.newsby.org/belarus/zakon0/z326.htm>. – Дата доступа: 20.12.2017.

4. Сомин, А. А. Русский язык в Республике Беларусь / А. А. Сомин // Русский язык зарубежья. – СПб. : Златоуст, 2013. – С. 171–201.

М.Л. Дорофеевко

Витебский государственный университет имени П.М. Машерова

e-mail: mari008@mail.ru

УДК [811.161.1(476.5)+811.133.1(443.72)]'373.211.5

НОМИНАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВИКОНИМИИ СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫХ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ И ФРАНЦИИ

Ключевые слова: *виконимы, региональная лингвистика, отапеллятивные названия, отонимные названия, номинативные особенности.*

В статье устанавливаются номинативные особенности виконимии северо-восточных регионов Беларуси и Франции. Анализируемые имена собственные разделены на отапеллятивные и отонимные. Определено, что в белорусской и во французской виконимных системах наиболее распространены наименования, описывающие физико-географические, архитектурные и флористические особенности внутрисельского объекта. Выявлено, что для французской виконимии не свойственны названия, констатирующие расположение линейного объекта относительно архитектурных, географических объектов в пределах сельского поселения или сторон света. Установлено, что среди оттопонимных виконимов Франции функционируют названия, мотивированные названиями коммун. Определено, что французские отантропонимные названия отмечены более высоким индексом частотности.

M.L. Darafeyenka

Vitebsk State University named after P.M. Masherov

NOMINATIVE FEATURES OF A VICONYMY OF NORTHEAST REGIONS OF BELARUS AND FRANCE

Key words: *viconyms, regional linguistics, names derived from appellatives, names derived from onyms, nominative features.*

In the article nominative features of a viconymy of northeast regions of Belarus and France are established. The analyzed proper names are divided on the names derived from appellatives and the names derived from onyms. It is defined that in belarusian and in french the viconymy systems the names describing physiographic, architectural and floristic features of an intrarural object are most distributed. It is revealed that for french viconymy the names stating location of a linear object of rather architectural, geographical objects within the rural settlement or parts of the world aren't peculiar. It is established that among french viconyms derived from toponyms the names motivated by the names of communes function. It is defined that french names derived from anthroponyms are noted by higher index of rate.